

№ 189 8
399

О еретичествѣ графа ЛЬВА ТОЛСТОГО.

О. ІОАННЪ КРОНШТАДТСКІЙ.

100

279

Mr. Ben. Franklin

4112

Изъ дневника о. Иоанна Кронштадтского—
въ обличеніе душепагубнаго еретичества
Льва Толстого.

Вместо предисловія (изъ письма въ редакцію).

На-дняхъ я получилъ анонимное письмо отъ одного толстовца, въ коемъ онъ бранитъ меня за то, что я написалъ слабое опроверженіе толстовскихъ бредней, что я—пигмей, выступаю противъ колосса—Толстого и, имѣя только одинъ талантъ, хочу бороться на бумагѣ съ имѣющимъ десять талантовъ (Толстымъ)... Чтобы не оставаться предъ Толстымъ и его поклонникомъ въ долгу и отвѣтить обоимъ „сильнѣ“, я рѣшился и еще кое-что напечатать,—вѣдь правда сильна и—защитить ее легко противъ борющихся съ нею, хотя бы и „колоссовъ“—толстовцы вѣдь воображаютъ себя колоссами—впрочемъ, не въ обиду будь имъ сказано,—на глиняныхъ ногахъ... И то правда, что Толстой—колоссъ, но въ своей сферѣ, въ области литературы романической и драматической,—а въ области религіозной онъ—настоящій пигмей, ничего несмыслицій. И если я и еще скажу въ обличеніе Толстого и его товарищѣй, прошу ихъ не прогнѣваться за голую и рѣзкую правду. Я не хотѣлъ болѣе отвѣтить на безумные глаголы Толстого, но если меня рѣзкозываютъ на это, то, по долгу предъ Истиной и Церковью, отвѣщаю, отдавая въ печать выдержки изъ моего дневника, заключающія мои мысли и чувства по поводу душепагубнаго *Толстовскаго* еретичества.

Нынѣшнее время есть время борьбы съ грѣхомъ, съ плотію страстною, міромъ, во злѣ лежащимъ, и діаволомъ, виновникомъ грѣха, время обученія всякой добро-дѣтели: вниманію себѣ, трезвению, самоотверженію, бодрствованію, воздержанію, крѣпости, смиренію, незлобію, послушанію, цѣломудрію, снисхожденію къ близкимъ, милосердію;—теперь не время покояться и предаваться удовольствіямъ, ибо лукавые, злѣйшіе и хитрые враги

наши—не усыпаютъ ни на минуту, и супостать нашъ—дьяволъ, какъ рыкающій левъ, ищетъ кого поглотить (I Петр. 5, 8). Эту истину надо внушать всѣмъ христіанамъ всякаго званія, чина, пола и возраста, особенно учащемуся въ разныхъ заведеніяхъ юношеству. „Бдите и молитесь, да не внедите въ напасть“, говорилъ Господь Своимъ ученикамъ, и намъ то же Онъ говоритъ (Ме. 26, 14). А мы что дѣлаемъ? Дремлемъ и спимъ. „Спящимъ человѣкомъ прииде врагъ его и всѣя плевелы посреди пшеницы и отъиде“ (Ме. 13, 25). Вотъ и Толстой усердно сѣеть на нивѣ христіанскихъ сердецъ свое плевельное учение.

* * *

Завѣтъ Божій отвергли о себѣ толстовцы, а также другіе, еретики, раскольники, сектанты, всѣ нечестиво живущіе христіане. Какой завѣтъ Божій? Завѣтъ о спасеніи человѣческаго рода воплощеніемъ, крестомъ и смертію Сына Божія, завѣтъ о крещеніи всякаго человѣка для спасенія; завѣтъ о нуждѣ покаянія, причащенія Св. Таинъ, принадлежности къ единой Св. Соборной и Апостольской Церкви, завѣтъ о совершилыхъ таинствъ христіанскихъ—пастыряхъ.—Всѣ пьяницы, прелюбодѣи, сребролюбцы, нераскаянные отвергаютъ завѣтъ Божій о себѣ и погибаютъ. Слезы у меня исторгли эти мысли!...

* * *

Писатели міра сего, не свѣдущіе нимало въ вещахъ Божественныхъ,—придите съ довѣріемъ и научитесь у нась, духовныхъ учителей. Но вы не пойдете, вы съ презрѣніемъ оттолкнете нась, вы не можете быть намъ преданы, ибо мы преподаемъ учение „не отъ міра сего“, не отъ вашей мудрости.

* * *

„Къ кому идемъ?“ спрашиваетъ себя Петръ съ прочими Апостолами. „Ты имѣшь глаголы жизни вѣчной (Іоан. 6, 68). Се мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебѣ идохомъ—что же будетъ намъ?“—(Ме. 19, 27). Господь обѣщаѣ имъ паки бытіе и вѣчную славу и власть судить всѣ племена Израилевы (Ме. 19, 28). Толстовцы, куда же вы идете съ графомъ Толстымъ, своимъ учителемъ? Есть ли у него слова жизни? Не слова ли безумія, невѣрія, хуленія, проклятія и смерти? Что же вамъ будетъ въ концѣ концовъ? Вѣчное проклятіе и погибель! Толстой въ своихъ дерзкихъ писаніяхъ ме-

чтаетъ поразить христіанство и христіанъ, свести къ ничтожеству своимъ дерзкимъ отрицаніемъ и насмѣшками—содержимое вотъ уже почти ХХ вѣковъ св. вселенскою церковью христіанство, которое прославлено отъ Бога вѣчною неувядаемою славою, которое проявило величайшую жизненность, силу, благотворность. Но онъ самъ себя бываетъ смертельно и своихъ послѣдователей, ибо лишилъ себя и ихъ свѣта и благодати Божіей, примиренія съ Богомъ и благоволенія Его и подвергаетъ проклятию Божію и себя и ихъ; ибо, по отверженіи Спасителя, еретикамъ этимъ не остается болѣе жертвы за грѣхъ, но нѣкое страшное чаяніе суда и ревность огня, хотящаго поглотить противниковъ (Евр. 10, 27). Думаютъ ли объ этомъ разгордившіеся толстовцы?— „Мнѣ отмщеніе“,—говорить Господь, „Я воздамъ“ (Римл. 12, 19).

О, Христе Боже, доколѣ Левъ Толстой будетъ ругаться надъ Тобою и Церковью Твою? Доколѣ будетъ соблазнять Россію и Европу? Опять онъ пишетъ хулы на Церковь и служителей ея; опять клевещетъ на нась всему миру! — Покажи, наконецъ, Владыко, всему миру адскую злобу его! Буди! Имъ увлечено въ прелесть и пагубу поль-свѣта.—О, предтеча антихриста!

* * *

Желаете ли, православные, знать, что я думаю о Левѣ Толстомъ? А я вотъ что думаю и говорю: онъ объявилъ войну церкви православной и всему христіанству. И какъ денница и сатана отторгнуль своимъ хребтомъ третью часть звѣздъ небесныхъ, т. е. ангеловъ, и сдѣлалъ ихъ единомышленниками съ собою, такъ нашъ Левъ, сынъ противленія, носящий въ себѣ духъ его, своимъ „рыканіемъ и хвостомъ“ (Откр. 12, 4) отторгъ тоже едва ли не третью часть русской интелигенціи, особенно изъ юношества, въ слѣдъ себя, въ слѣдъ своего безбожнаго ученія, своего безвѣрія.—Его безбожныя печатныя сочиненія свидѣтельствуютъ о томъ.

Развѣ собираются съ терновника виноградъ и съ тернія смоквы? По плодамъ ихъ познаете ихъ, говорилъ Господь (Лук. 6, 44). Терновникъ Россіи и всего христіанскаго мира есть русскій графъ Толстой, бывшій романистъ, а потомъ самозванецъ-богословъ, ни мало не смыслящій въ богословіи, нарядившійся въ одежду мужика, чтобы вдоволь насытиться надъ вѣрою его и Россіи и удобнѣе привлечь русскаго или иностранца

недальновиднаго на свою сторону, къ образу своихъ мыслей и удобнѣе излить свой еретическій ядъ въ души ихъ.

Есть ли какой отецъ, говорить Господь, въ примеръ, который, когда сынъ его попроситъ рыбы, подаль бы ему скоршю (Мо. 7, 9).—Толстой именно это и дѣлаетъ. Онъ подносить змѣю вместо рыбы и своему семейству, и всей Россіи, и христіанамъ всѣхъ странъ и языковъ. Онъ хочетъ вырвать у всѣхъ вѣру въ Спасителя, вѣру въ Троицу, въ церковь и во всѣ спасительныя истины, въ которыхъ вѣровать научила насъ св. церковь, и безъ которыхъ невозможно жить ни одному здравомыслящему человѣку.

Такъ, по выпущенной Львомъ Толстымъ (въ Лондонѣ) въ началѣ ноября 1902 г. безбожной статьѣ, озаглавленной: „Обращеніе къ духовенству“, виденъ истый русскій романистъ, способный писать только романы съ мѣткимъ анализомъ обыденной людской жизни и страстей человѣческихъ; но въ то же время до мозга костей пропитанный самомнѣніемъ и гордостю, барской спѣсью и ненавистью ко всему, что носить печать вѣры во Христа и въ церковь, съ діавольскою злобою къ духовенству. Все сочиненіе состоить изъ предвзятыхъ ложныхъ мнѣній о духовенствѣ и его дѣятельности. Толстой хочетъ разрушить вѣру во все святое, таинственное, въ то, чѣмъ человѣкъ живеть, спасается, утѣшается, укрѣпляется духомъ и тѣломъ; все, что носить печать истины непреложной: — вѣру въ Бога Троичнаго, въ сотвореніе мира, въ искупленіе человѣчества Сыномъ Божіимъ, все это отвергаетъ, какъ сказку, подвергаетъ осмѣянію и想要 всѣ христіанскіе догматы переиначить по своему, вѣритъ только въ свой умъ, себѣ одному приписываетъ открытие истины и себя только признаетъ истиннымъ учителемъ. Но, увы, всѣ положенія у него ложны, а потому ложны и всѣ заключенія!

* * *

Толстой думаетъ, говорить и пишетъ на почвѣ безбожія и полнаго отрицанія всего того святого, что носить въ себѣ печать богооткровенности; гордость, самомнѣніе, самообожаніе, презрѣніе къ Самому Богу и церкви, — вотъ его первооснова; другого основанія у него нѣтъ. Предъ нами — софистъ, и несвѣдущихъ въ истинахъ вѣры, не испытавшихъ на себѣ спаситель-

ности вѣры Христовой легко можетъ онъ отвлечь отъ истинной вѣры и ввести въ пагубное невѣріе.

Въ оклеветаніи церкви Толстой хочетъ найти себѣ самооправданіе, похвалу, какъ истаго героя правды,— и хочетъ всѣхъ отвлечь отъ церкви, какъ сатана отторгъ отъ Бога третью ангеловъ. Прежде чѣмъ писать опроверженіе на это сочиненіе Толстого, нужно знать (проанализировать) то состояніе души Толстого, въ которомъ онъ пишетъ свою завѣдомую ложь, которой онъ усиливается придать видъ истины.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ отлученія отъ церкви онъ рѣшился забросать ее, сколько можно, грязью, и все священное писаніе Ветхаго и Нового Завѣта, все богослуженіе, всѣ таинства и особенно духовенство всѣхъ церквей. Толстой, исказивъ смыслъ Евангелия, исказилъ смыслъ Ветхаго Завѣта и искаженная события передаетъ въ насыщенному тонѣ, подрывая въ читающихъ всякое уваженіе къ святому писанію; надѣль всѣмъ, что дорого для христіанина, на что онъ привыкъ смотрѣть съ дѣтства съ глубокимъ благоговѣніемъ и любовію, какъ на слово Божіе, онъ дерзко насыщается.

Толстой переносить свои поруганія на духовенство, на церковь, на св. Писаніе В. и Н. Завѣта и на Самого Господа, и говоритъ: была ли такая вредная книга въ мірѣ, надѣлавшая столько зла, какъ книга В. и Н. Завѣтова... Это прямо относится къ толстовскимъ сочиненіямъ, не было вреднѣе ихъ: Ренаны, Бюхнеры, Шопенгауеры, Вольтеры, — ничто въ сравненіи съ нашимъ безбожнымъ россіяниномъ Толстымъ. Написанное Толстымъ въ „Обращеніи“—съ точки зрѣнія христіанской—одно безуміе.

* * *

Можно ли говорить съ человѣкомъ умопомѣшаннымъ, потерявшимъ здравый смыслъ, здравую вѣру, отрицающимъ общепризнанную живую и животворную истину, отрицающимъ, что А есть А, или—дважды два четыре, не признающимъ Альфы и Омеги,—съ человѣкомъ, признающимъ разумъ человѣческій, отуманенный и извращенный грѣхомъ, за исходную точку вѣры и познанія? Невозможно! Таковъ именно и есть графъ Левъ Толстой, отвергающій откровенное Слово Божіе — Біблію и Евангелие, и свой близорукій извращенный разумъ ставящій исходною точкою всѣхъ знаній, высшимъ

Библіи и Евангелія, Библію и Евангеліе считаюшій за сказку, какъ и житія святыхъ.

Толстой въ области религії показалъ всю свою умственную тупость, все свое пресмыкательство по землѣ, всю умстренную мелочность, не могущую подняться нимало на высоту религіознаго созерцанія. „Аще не увѣруете, ниже имате разумѣти“, говоритъ Господь. Толстой, отвергнувшій вѣру въ откровеніе, въ Бога, дѣйствительно, лишился возможности разумѣть дѣла Божіей премудрости.

Какъ могъ Левъ Толстой написать свое послѣднее грязное сочиненіе противъ истинной, святой, апостольской, спасительной, богопреславленной неисчисляемыми знаменіями и чудесами, и доселѣ прославляемой отъ Него церкви? Да,—могъ, но только при совершенной потерѣ христіанской совѣсти.

Въ сочиненіи Толстого „Обращеніе къ духовенству“—все ложь и клевета беззастѣнчивая, наглая, и изъ основныхъ ложныхъ положеній, какъ я уже говорилъ, выводятся у него ложная заключенія; словомъ, въ сочиненіи Толстого истина извращена, высочайшіе догматы, непрекаемые, спасительные, представлены въ тонѣ насмѣшивомъ, ироническомъ; Толстой не вѣритъ въ истины, открытыя Самимъ Богомъ и необходимыя для спасенія всякаго человѣка, а вѣритъ только въ человѣческій разумъ и въ совершенствованіе человѣка собственными силами, безъ благодати Божіей.

* * *

Надобно, чтобы всякий, даже не вѣрующій во Христа и св. Троицу и въ таинства христіанской вѣры, обращался съ лицами и предметами вѣры честно, потому что вѣра есть сердечное, драгоцѣнное сокровище безчисленнаго множества людей всякаго языка, націй, всякаго званія и состоянія, а не по свински, какъ Левъ Толстой, и кто изъ христіанъ равнодушно относится къ тому, кто хулитъ Христа, или св. Троицу, искренно почитаемую избранными людьми всѣхъ вѣковъ, всякихъ націй, званія и состоянія,—тотъ недостоинъ званія человѣка, а таковъ именно Толстой и толстовцы, обращающіеся съ неоцѣненнымъ, дражайшимъ Именемъ Господа Іисуса Христа, Св. Троицы, Богоматери, и съ до сточимыми ихъ изображеніями и всѣхъ святыхъ. Скажетъ кто-нибудь, что печатно ругать человѣка, которому

дана свобода слова и печати и который пишеть и печатаетъ, что придетъ ему на умъ, неприлично и не слѣдуетъ. А я спрошу и Толстого и его клевретовъ: поносить высочайшія Имена Троицы, Христа, Богородицы и Святыхъ, Св. Чудотворныя иконы и моши и соблазнять народъ православный и неправославный, — по вашему можно? Да какому бы наказанію по закону долженъ подлежать и богохульный языкъ Толстого и его рука, пишущая богохульныя словеса? По писанію: кто чѣмъ согрѣшаєтъ, тотъ тѣмъ и мучится. Толстой же безнаказанно богохульствуетъ, да еще и чтится, какъ старецъ знаменитый, какъ великий писатель, какъ родивший графъ, и Львомъ Николаевичемъ зовется; какой онъ Левъ Николаевичъ? Онъ имени христіанского не стоитъ. Потерпѣль ли бы еврей, искренно вѣрующій въ Іегову, того, кто сталъ бы въ слухъ его относиться недостойно къ этому Св. Имені; или магометанинъ — того, кто въ слухъ его сталъ бы поносить Магомета, хотя Магометъ и не то, чѣмъ и кѣмъ его почитаются? А Толстой невозбранно поноситъ христіанскую вѣру и ея истинное святое и спасительное ученіе, и ея святыя и животворящія таинства; о, злодѣйство, достойное казни: (ап. Іуд. 7 — 8). Іудейскіе и римскіе законы казнили богохульниковъ и потому евреи кричали Пилату: „по закону нашему Христосъ долженъ умереть. Онъ Себѣ Сына Божія сотвори“ (Іоан. 19, 7) (хотя Онъ и действительно Сынъ Божій), а Толстой предъ всѣмъ русскимъ народомъ и предъ всей христіанской Европой хулитъ Христа, Который открылся Сыномъ Божіимъ въ силѣ, по духу Святыни, отъ воскресенія изъ мертвыхъ, вѣровался въ мірѣ, оправдался въ духѣ, проповѣдался въ мірѣ, вознесся во славѣ (І Тимое. 3, 16).

„Устами твоими буду судить тебя, лукавый рабъ“, говоритъ Господь въ Евангелии (Лук. 19, 22), и я скажу: отрицаніями твоими отрину тебя, Левъ Толстой, и хулы твои обращу на тебя.

* * *

Толстой извратилъ весь смыслъ христіанства, все понялъ на изнанку, ибо все можно лукавому уму и сердцу человѣческому извращать, называть свѣтъ тьмою и тьму свѣтомъ, сладкое горькимъ и горькое сладкимъ; прекрасное безобразнымъ — и наоборотъ, по подобію древнихъ софистовъ; Толстой отвергаетъ весь Символъ Вѣры,

не вѣрить ни въ Троицу, ни въ воплощеніе, ни въ чудеса Христовы, ни въ искупительныя страданія Его, ни въ воскресеніе, ни въ вознесеніе на небо, ни во второе пришествіе Христово, ни въ будущій судъ, ни въ церковь, ни въ крещеніе, ни въ воскресеніе мертвыхъ, ни въ жизнь будущую. Хочеть, чтобы люди не вѣрили Слову Божію, а вѣрили ему, самозванному учителю Толстому, или вѣрили одному человѣческому разуму, извращенному, помраченному, слѣпому, близорукому. Почему же вѣрить Толстому? Что онъ за авторитетъ! Кто знаетъ слѣпоту человѣческаго разума: какъ заблуждались люди до пришествія Христа на землю, какая была тьма невѣдѣнія истиннаго Бога, тьма идолъская. Какой свѣтъ разума возсиялъ съ пришествіемъ Христа на землю! Какой свѣтъ въ Евангелии!

* * *

Левъ Толстой клонить всѣ свои разсужденія богохульныя къ тому, чтобы убѣдить, хотя недальновидныхъ и самомнительныхъ людей, что въ нашихъ познаніяхъ и изслѣдованіяхъ научныхъ всему голова—нашъ разумъ и мѣра его пониманія, и чего онъ не понимаетъ, хотя бы это былъ высочайшій и непостижимый предметъ нашей вѣры,—Господь Богъ,—того онъ и принимать не долженъ и въ то вѣрить не долженъ, какъ неподходящее подъ мѣрило разума, и что человѣкъ можетъ достигать совершенства безъ помощи Божией (въ Бога онъ не вѣритъ), собственнымъ разумомъ. Но на себѣ самъ Толстой показалъ, до чего можетъ дойти такой человѣкъ: онъ своимъ помраченнымъ отъ гордости и самомнѣнія разумомъ дошелъ до нелѣпыхъ и безсмысленныхъ положеній,—до невѣрія въ Бога Личнаго, Бога въ Троицѣ (Марк. 1, 10), въ сотвореніе міра изъ ничего, въ сотвореніе человѣка по образу и подобію Божію (Быт. 1, 27), въ первоначальную испытательную заповѣдь Творца или вступленіе Творца въ завѣтъ съ словесной тварью, разумно-свободною, нуждавшеюся въ завѣтѣ и соблюдении его,—въ вольное паденіе человѣка и дерзновенное разрушеніе завѣта и своей цѣлости душевной и тѣлесной, своего міра и блаженнаго состоянія; въ необходимость искупленія Богочеловѣка, въ обѣтованіе и пророчество о Немъ въ книгахъ закона Моисеева, въ пришествіе обѣщанного Спасителя, Его проповѣдь и все искупительное дѣло. Толстой дошелъ до отверженія аб-

солнутныхъ необходимыхъ всеспасительныхъ истинъ, и погибнетъ во вѣки. Эго — урокъ всѣмъ, довѣряющимъ свидѣтельству самой Истины, Самому Иисусу Христу, преподавшему намъ истинное ученіе о Троицѣ, сотвореніи міра и человѣка, о паденіи и искушениі, о необходимости покаянія, причащенія Св. Таинъ, о воскресеніи мертвыхъ, о судѣ и вѣчной муکѣ и царствіи небесномъ.

Не вѣритъ Толстой поврежденію, растлѣнію человѣческаго рода, и каждого человѣка въ самомъ корнѣ (Адама и Евы), во глубинѣ существа, что человѣкъ самъ по себѣ безъ помощи Божіей не можетъ успѣть ни въ какой добродѣтели, что всѣ усилия его въ этомъ родѣ безъ помощи Божіей — тщетны: „безъ Мене, сказано, не можете творитиничесоже“ (Іоан. 15, 5), а вѣритъ, вопреки истинѣ и всегдашнему общему опыту, что человѣкъ самъ можетъ достигать совершенства, при помощи современной науки. Опасно, гибельно заблуждается Толстой и вводить въ заблужденіе юношество и вообще не утвердившееся въ вѣрѣ человѣчество, отводя его отъ церкви, у которой истинный разумъ Божій ибо сказано — „мы умъ Христовъ имамы“ (1 Кор. 2, 16,) и навязывая ему свою ложь и называя ее истиннымъ ученіемъ“.

* * *

Въ сочиненіи Л. Толстого логическая ложь: должно основаніе, ложны и слѣдствія. Должно предложеніе будто вселенскій символъ вѣры есть ложный (отъ Духа Истины прошедшій-то), что св. Троица не Троица, что Богъ не можетъ быть одинъ въ Троицѣ, должно предложеніе, что Сынъ Божій не воплотился и не былъ Спасителемъ человѣческаго рода: не воплощенъ, не крестился не страдалъ, не умиралъ, не воскресъ, не вознесся на небо, не придетъ судить, что не будетъ воскресенія, второго пришествія; должно, что нѣтъ третьяго лица — Духа Святаго, что церковь не истинна, а ложна и т. д.—всѣ эти предложенія ложны и всѣ выводы ложны; ложь, что догматы вѣры преподаются въ такомъ возрастѣ, въ которомъ дѣти не понимаютъ ничего, что напрасно учить ихъ будто бы безсмыслицѣ, будто бы сказкамъ, или будто бы напрасно простой народъ учить, ничего не понимающей, или которому никогда этими заниматься; должно предложеніе, что Біблія сказка, Евангеліе — тоже: должно предложеніе, что Богъ, страшно и выговорить,

сердится (гнѣвается праведно—другое дѣло), что Онъ несправедливъ; ложны и посылки, будто не будетъ воз-
даянія, не будетъ вѣчной муки грѣшникамъ нераскаян-
нымъ. Ложно и то положеніе, что церковь и духовен-
ство проповѣдуютъ ложь, нелѣпость. Вотъ Толстой,
дѣйствительно, проповѣдуетъ явную ложь, и его слушать
нельзя, ему вѣрить, какъ злонамѣренному лжецу, пагубно.
Онъ—преднамѣренный, злонамѣренный лжецъ и то, что
онъ утверждаетъ о предметахъ вѣры нашей, все ложно.

* *

У Толстого въ головѣ нѣтъ ни альфы, ни омеги, ни
разумнаго личнаго Творца, ни твари, ни грѣха, ни
добродѣтели, ни паденія, ни возстанія человѣческаго, ни
Спасителя, ни спасаемыхъ; никакой связи въ мірѣ и
человѣческомъ родѣ, ни исторической, ни логической,
ни предметной, истинный во всемъ хаосъ. Онъ не при-
знаетъ священства, богооткровеннаго сказанія о началѣ
міра и человѣка и жизни человѣческаго рода до потопа
и послѣ потопа, не вѣритъ сказанію о потопѣ и жизни
людей послѣ потопа, не видить цѣли потопа, не при-
знаетъ нравственнаго закона и Законодателя и Суди
человѣческаго рода и каждого человѣка въ отдѣльности,
все Онъ отвергаетъ, все считаетъ за сказку; связь Вет-
хаго завѣта съ Новымъ и премудрыя, праведныя и
всеблагія судьбы Божіи въ человѣческомъ родѣ,—посте-
пенное приготовленіе людей къ принятію обѣщанного
Мессіи-Спасителя чрезъ обѣтованія, пророчества и про-
образы,—пришествіе въ мірѣ обѣщанного Спасителя,
Его безсѣмнное рожденіе отъ Духа Св. и Дѣвы Маріи,
словомъ, отвергаетъ Богочеловѣчество Христа и всѣ
догматы христіанской вѣры. Съ такимъ невѣромъ, осль-
пившимъ себя добровольно, говорить серьезно ни о
чемъ святомъ нельзя.

„Нието же знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто
знаеть, тоемо Сынъ и Ему же аще волитъ Сынъ от-
крыти“ (Мате. 11, 27),—читаемъ во св. Евангелии. Безъ
откровенія Божія падшій умъ человѣческій не можетъ
познать таинство Святой Троицы. И Богъ вѣрующимъ
въ простотѣ сердца открываетъ эту тайну, насколько
можно открыть это непостижимое естество. Толстому,
по его гордости, лукавству и безвѣрію, не открыта эта
тайна, и онъ не вѣрить ей и глумится надъ ней. Онъ,
въ своей богохульной брошюрѣ, все дорогое, святое,

праведное, утѣшительное, спасительное, просвѣтительное,—все, чѣмъ живеть, дышить, крѣпится душа христіанская, все отнимаетъ и самъ на мѣсто отнятаго ничего на даетъ и оставляетъ душу въ хаосѣ, пустотѣ, мракѣ, въ состояніи безутѣшномъ и безпросвѣтномъ. Это вольное сумасшествіе; у него, Голстого, попираніе всѣхъ законовъ мышленія,—всякой истины и правды, у него сатанинская, полная безстыдства, хитросплетенная, насмѣшилазая надъ нашей святыней ложь.

Толстой въ своемъ „Обращеніи“ дерзко вызываетъ на состязаніе съ собою папъ, кардиналовъ, епископовъ, суперинтендентовъ, священниковъ, пасторовъ и все христіансское духовное сословіе и обличаетъ всѣхъ ихъ въ тенденціозной лжи и обманѣ; онъ утверждаетъ, что правда только у него, у Толстого, что у него—и только у него—истинный разумъ, у него только нужно учиться истинѣ, что вся Біблія, все Евангеліе—ложь, что вся церковная исторія, все ученіе церковное, всѣ соборы, всѣ вѣроопредѣленія, всѣ каноны вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ—преднамѣренный обманъ. Милостивые государи и милостивыя государыни, мужескій и женскій полъ рода христіанского! Васъ всѣхъ хочетъ одурячить Толстой. Но вѣдь мы въ здравомъ умѣ, въ здравомъ смыслѣ, вся наша прожитая жизнь, наше сердце увѣряютъ нась, что мы знаемъ истину, что мы обрѣли вѣру истинную и спасаемся ею, утѣшаемся ею и чаемъ жизни будущаго вѣка.—Чѣмъ же этотъ самозванецъ Толстой увѣритъ нась, что будто бы на его сторонѣ истина. Нѣть, Толстой—полный невѣжды въ отношеніи религії. Онъ не знаетъ премудраго плана божественного домостроительного спасенія рода человѣческаго, не допускаетъ паденія первыхъ людей въ грѣхъ и не вѣритъ въ растлѣніе и омраченіе грѣхомъ всего рода человѣческаго, не вѣруетъ въ пестунство Божіе надъ падшимъ человѣчествомъ въ продолженіе тысячиелѣтій и искупленіе его воплотившимся Сыномъ Божіимъ, и все то, что отвергааетъ Толстой—именно, религіозное обученіе дѣтей и знаніе ими исторіи Ветхаго и Новаго завѣта, особенно нужно, какъ для Толстого, такъ и для всѣхъ дѣтей, а онъ, Толстой, этого-то необходимаго, этой-то азбуки христіанской не знаетъ и являетъ собой религіознаго невѣжду, хотя нельзѧ не признать его романистомъ, а вмѣстѣ ловкимъ извѣстнымъ

краснобаємъ, умъючимъ слагать красивыя по наружности и увлекающія недальновидныхъ анти-богословскія сѣти. Здѣсь съ Толстымъ, какъ съ умопомѣшаннымъ, у которого idée fixe, нельзя говорить: онъ вѣрить только въ себя и въ подобныхъ себѣ людей съ предвзятыми, какъ онъ, мыслями; здѣсь у него діавольская, неисправимая гордость, и онъ умретъ съ нею. Ими же вѣси судьбами Ты Самъ, долготерпѣливый Господи, спаси сего, помраченнаго!

* * *

Я говорилъ уже, что Толстой дышитъ непримиримою ненавистью къ церкви и ея органамъ—священнослужителямъ, не признаетъ ихъ божественного права учить, священнодѣйствовать, руководить вѣренное имъ словесное стадо къ добродѣтели и къ Богу—отвергаетъ истину и спасительность ихъ ученія; не признаетъ богооткровеннаго ученія церкви; признаетъ нелѣпое равенство всѣхъ людей, не допускаетъ подчиненности младшихъ старшимъ, подчиненныхъ начальству, вѣрноподданныхъ Царю, словомъ—производить какую-то сутолоку и сбивчивость во всемъ, и, отвергая все, вмѣсто отвергнутаго онъ ничего не даетъ, оставляя людямъ только разумъ, который такъ извѣстенъ по своимъ нелѣпымъ заблужденіямъ черезъ всѣ прошедшія тысячетѣтія, и утверждая, что люди могутъ дойти до совершенства своимъ разумомъ. Вотъ и дошелъ Толстой до абсурда, до неслыханной гордости и дерзости, отвергнувъ все богооткровенное, спасительное, христіанское ученіе и Богомъ основанную на землѣ церковь.

Толстой—неслыханная гордыня и дерзость воплощенная. Онъ уничижаетъ всѣхъ папъ, кардиналовъ, митрополитовъ, епископовъ, суперинтендентовъ, пасторовъ и священниковъ и судить ихъ, себя же ставить судьею всѣхъ; какъ обличаетъ всѣхъ, ложныхъ проповѣдниковъ и учителей обманщиковъ, проповѣдующихъ то, во что будто бы они сами не вѣрять, и только притворяются будто вѣрять. Вотъ уже, что называется, съ большой головы на здоровую. А сколько есть искренно вѣрующихъ между иновѣрными духовными особами, не говоря о лицахъ православнаго духовенства. Отлученный отъ церкви, Толстой еще больше возненавидѣлъ ее и ея служителей.

* * *

Левъ Толстой глумится надъ всѣми христіанскими вѣрованіями, оскорбляетъ христіанъ всѣхъ вѣковъ, глумится надъ всѣми патріархами, пророками, апостолами, святителями, мучениками, преподобными и праведными, и надъ самою Матерію Божію, честнѣйшею Херувимовъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимовъ, надъ всѣмъ христіанскимъ міросозерданіемъ. Левъ Толстой еретикъ злѣйшій и дерзостнѣйшій изо всѣхъ бывшихъ еретиковъ. Все св. Евангеліе, вся православная вѣра и церковь носятъ сами по себѣ доказательство происхожденія своего отъ Бога, и въ нихъ самихъ заключается „ей и аминь“—онѣ суть духъ и жизнь. „Не хотите ли вы отойти отъ Меня“ (Іоан. 6, 67), спросилъ Господь Богъ своихъ учениковъ, когда многіе изъ нихъ, соблазнившись Его ученіемъ, повидимому несомнѣннымъ съ ихъ понятіями и привычками, ушли отъ Него. А Петръ отвѣчалъ: „къ кому намъ итти. Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной“. Такъ и мы, испытавши всю жизненность, всю душеспасительную сладость нашей вѣры и церкви, говоримъ съ полною увѣренностью, съ полнымъ уѣжденіемъ сердечнымъ: къ кому мы пойдемъ, кроме Тебя, Господи? — Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной. Только у Тебя источникъ живота, только въ Твоемъ свѣтѣ мы увидимъ свѣтъ, а кроме Тебя, ни у кого не найдемъ, и, конечно, тѣмъ менѣе — у Льва Толстого, блуждающаго, погрязшаго въ непроницаемой тьмѣ заблужденій.

Два слова о необходимости учить дѣтей священной исторіи. Ученіе о правой спасительной вѣрѣ, о грѣхопаденіи первыхъ людей, о растлѣніи грѣхомъ всего человѣческаго рода, объ искупительномъ дѣлѣ Спасителя необходимы въ самой доступной формѣ для всѣхъ и особенно для дѣтей. Первое, что нужно внушить дѣтамъ—это ученіе о Богѣ-Творцѣ и Спасителѣ, а этого-то и не допускаетъ нашъ безбожникъ. Графъ Толстой представляется изъ себя примѣръ полнаго невоспитанія въ христіанскомъ смыслѣ, избалованаго барина еще въ младенчествѣ; не всѣмъ же и воспитываться на манеръ этого любимца судьбы, родившагося въ сорочкѣ, въ знатномъ и богатомъ домѣ; не всѣмъ же и бытьграфами, съ его недюжиннымъ умомъ, который достоинъ быль бы лучшей дѣятельности; не всѣмъ же писать и пресловутые романы: „Война и миръ“ и „Анна Каренина“,

безъ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, человѣчество легко бы могло обойтись и не чувствовать въ нихъ ни малѣйшей потребности, а учить дѣтей въ простой, доступной формѣ библейской и церковной исторіи о Богѣ, въ Троицѣ славимомъ, какъ о Творцѣ міра и человѣка и общемъ всѣхъ Промыслителѣ и Спасителѣ, о сотвореніи человѣка и всѣхъ тварей, о грѣхопаденіи человѣковъ и наследственной порчи грѣховной всего человѣческаго рода, о явленіи въ мірѣ обѣщаннаго Спасителя, о Его житіи, ученіи, чудесахъ, о спасительныхъ Его за насъ страданіяхъ, искупительной смерти, воскресеніи Его изъ мертвыхъ — есть необходимость и общая потребность для всѣхъ христіанскихъ дѣтей, — и отъ того именно, что Левъ Толстой не былъ наученъ этими элементарными христіанскими истинамъ, онъ и вышелъ такимъ злымъ, рыкающимъ на вѣру и церковь Христову, львомъ, ищущимъ кого поглотить (и поглотилъ, къ несчастью, многихъ). Не стань мы учить дѣтей съ нѣжнаго возраста ученію вѣры и страху Божію, — и въ нихъ, по причинѣ общей грѣховной порчи человѣческаго рода, разовьются и укрѣпятся всякие грѣховные инстинкты — злость, капризъ, своенравіе, непослушаніе, непокорность, зависть, гордость, лѣнность къ молитвѣ и благочестію, холодность къ Богу и церкви Божіей, ложь, обманъ, хитрость и лукавство, плотскіе тайные грѣхи и подобное. Что же выйдетъ изъ нихъ? Какія чада, какіе отцы и матери, какіе сыны отечества, подданные и слуги царя, какіе заступники отечества, какіе писатели, какіе вѣрноподданные чиновники и органы разныхъ административныхъ вѣдомствъ, какіе землемѣльцы, какіе мастеровые? Люди безъ страха Божія, безъ совѣсти, безъ гражданской честности и вѣрности, со всякими дурными наклонностями. Только вѣра и страхъ Божій держать человѣка на высотѣ его христіанского и гражданского достоинства; отнимите у него вѣру и страхъ Божій и вы не увидите нигдѣ честныхъ самоотверженныхъ людей, людей долга, честной службы, преданныхъ царю и отечеству; тюрьмы наполняются всякими преступниками, и вы приготовите паденіе общества и государства. Правда возвышаетъ народъ, а беззаконіе — беачестіе народовъ, говорить Премудрый.

Въ своей гордыни и вольнодумствѣ Толстой отвергаетъ и разрушаетъ два божественныхъ завѣта — Вет-

хій и Новый и все съвѣты Божіи о спасеніи рода человѣческаго пренебрегъ и ни во что поставилъ и все премудрое, все благое и праведное смотрѣніе Божіе о нась презрѣль, какъ не сущее. А потому и Богъ разрушить тебя до конца и память твою истребить отъ земли живыхъ... Ты говоришь, Толстой, что дѣтямъ не слѣдуетъ преподавать законъ Божій и что они не понимаютъ, будто бы, дѣль Божіихъ; но они мудреѣ тебя, ибо сказано: „изъ устъ младенцевъ и сосущихъ совершилъ еси хвалу“ (Мо. 21, 16). Фарисеи и книжники, хулили Господа, какъ и ты нынѣ, Левъ Толстой, а незлобивыя дѣти разумно и чистосердечно хвалили. Что ты на это скажешь, Толстой? Или скажешь, что это сказки, басни—не больше? Да?

Изъ богохульныхъ писаній графа Толстого видно, что всеспасительная христіанская вѣра ни мало не коснулась его гордаго, невѣрующаго сердца, ни мало не воздѣствовала на него благотворно и онъ остался истымъ безбожникомъ. „Утаиль еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси то (тайство вѣры) младенцамъ“ (Мо. 11, 25).

Толстой глумится надъ священнымъ Писаніемъ Ветхаго и Нового завѣтovъ, которые есть непреложная святыня для всѣхъ христіанскихъ народовъ, и надъ преподаваніемъ его дѣтямъ или простому народу, будто бы не понимающему этой исторіи, хотя это нелѣпо, а самъ проповѣдуется вздоръ и нелѣпицу и хочеть, чтобы его бредни, его безбожныя мысли заучивали дѣти и простой народъ и такимъ образомъ сдѣлались бы безбожниками и нравственными дикарями, хуже древнихъ и нынѣшнихъ язычниковъ, кланяющихся куску дерева, или приносящихъ жертвы идоламъ, какъ будто отъ нихъ (идоловъ) зависить все ихъ благополучіе. — Толстой самымъ низкимъ образомъ смеется надъ русскимъ народомъ, желая всѣхъ привести въ состояніе дикости и всѣхъ отвлечь отъ праотеческой, спасительной вѣры, словомъ, хочеть всѣхъ вести за собою въ адъ, думая: погибать, такъ погибать всѣмъ, а не мнѣ одному. Ваше сіятельство, ужъ лучше идите одни вашей широкой дорогой, ведущей на дно адово. Зачѣмъ же другихъ-то за собою вести? Вѣдь подобныхъ тебѣ безъ того много, много. Широки врата, ведущія въ пагубу, и многіе идутъ ими вслѣдъ за тобою.

Толстой отвергаетъ Ветхій завѣтъ и пророковъ, тогда какъ исполненіе пророчествъ на Иисусъ Христъ неопровержимо доказываетъ Его богочеловѣческое достоинство и спасительность вѣры Христовой и насажденной Имъ на землѣ церкви; словомъ — Толстой все отвергаетъ, и Ветхій, и Новый завѣтъ, и при ложныхъ положеніяхъ выводить ложныя заключенія.

* *

Толстой отвергаетъ начало всѣхъ вещей — Слово Бога Отда, Сына Божія, Имже вся быша, Который есть Альфа и Омега—начало и конецъ (Откр. 1, 8).

Толстой, отрицаючи Личнаго Тріупостаснаго Бога, все-благого, безначального, присносущнаго, премудраго, праведнаго, святаго, блаженнаго, всесовершеннаго, всемогущаго, допускаетъ только таинственное, безличное начало, давшее жизнь человѣку (странны, какъ безличное существо дало начало личному — это абсурдъ Толстовскій), не допуская Его правосудія, долженствующаго карать дерзкихъ хулиговъ Его святости и правды, напр., того же Льва Толстого, провозглашающаго на весь міръ, что Богъ есть виновникъ зла.

Назначеніе человѣка — вѣчная жизнь съ Богомъ и въ Богѣ (Филипп. 1, 23); но Богъ никого не приметь въ сожитіе съ Собою, кто не покается и не оставитъ пристрастія ко грѣху; „не переселится къ Нему лукавнуй, ниже пребудутъ беззаконницы предъ очима Его“ (Пс. 5, 5—6), говорить Псаломпѣвѣцъ Давидъ. „Кое обиженіе свѣта ко тымъ, правды беззаконію“ (2 Кор. 6. 14). И какъ мы всѣ грѣшные, то всѣ должны покаяться и грѣхъ возненавидѣть и отъ грѣха отстать, грѣху не работать. И чтобы отстать отъ грѣха, не работать грѣху, мы получили отъ Бога всякие силы и способы: свободную волю, природный разумъ, одобряющую добро совѣсть и осуждающую зло; особенную благодать Божію въ крещеніи и миропомазаніи, въ покаяніи и причащеніи; имѣемъ богодарованный постъ; умилительное, располагающее къ покаянію, богослуженіе; живое и дѣйственное Слово Божіе; поученіе пастырей, законы гражданскіе, содѣйствующіе правильному течению общественной жизни. Итакъ Богъ никого не приметь къ Себѣ со грѣхомъ. Это мы всѣ должны твердо помнить; никакого невѣрующаго, вродѣ Л. Толстого или толстовцевъ, никого преданнаго зависти, блуду, невоздержанію,

чревоугодію и пьянству, никакого татя, лихомца и корыстолюбца, никого преданного смѣху, ибо сказано: „горе вамъ смѣющимся, ибо возрыдаете и восплачуете“ (Лук. 7, 25).

* * *

Тварь не иначе можетъ существовать и благоденствовать, какъ соблюдая твердо законы Творца. Посмотри на природу, на небо, солнце, луну и звѣзды, на землю, на всю тварь, какъ она точно соблюдаетъ законы Творца. Левъ Толстой отвергъ Творца и вычеркнулъ изъ русскаго языка слово тварь, потому что не признаетъ, что твари суть твари, сотворенные личнымъ разумнымъ Началомъ.

* * *

Верхъ дерзости Толстого заключается въ томъ, что въ виду близкой смерти своей онъ не боится Бога и суда Его и считаетъ себя правымъ, какъ и своихъ учениковъ, и богохульству своему не полагаетъ никакой мѣры; ужъ хулить, такъ хулить до конца, ужъ безумствовать, такъ безумствовать до конца! Геройство — чисто сатанинское, да еще и въ превосходной степени, ибо и самъ сатана боится Бога и трепещетъ уготованныхъ ему мученій, а ученикъ его превзошелъ и своего учителя.—Вотъ финалъ „Войны и мира“ и „Анны Карениной“ и прочихъ писаній Льва Толстого!

* * *

Какая превознесенная гордыня! Знай нашего Льва, вышедшаго изъ логовища Ясной Поляны и крѣпко рыкающаго не только на всю поляну, но на весь міръ. Крѣпкая часть, могучіе нерви. И это — на краю гроба то! А за гробомъ что будетъ? Весь адъ пробудится. Всѣ фараоны встанутъ и Рефаимы проснутся; всѣ Нероны, Калигулы, Деци, Доміціаны, Юліаны, — всѣ гонители Христа и Христіанства, и скажутъ: ай, русскій Левъ послѣднихъ временъ; ты и насъ далеко превзошелъ; и изъ христіанъ вышелъ надменнѣйшій и лукавѣйшій гонитель воспитавшей тебя Матери-Церкви. Присоединись же къ намъ на вѣки и пей чашу, которую ты себѣ приготовилъ, сгорай въ огнѣ негасимомъ, уготованномъ отцу твоему, діаволу, которому ты усердно служилъ.

* * *

„Всякъ, падый на камень, тотъ сокрушится, а на немже падеть, сотретъ его“ (Мо. 21, 44). Нечистая волна — Толстой — приразился дерзко къ несокрушимому

Камню-Христу и разлетѣлся вонючими брызгами, обрызгавшими зловонною грязью всѣхъ послѣдователей его.

Послѣдователи Толстого, всѣ не говѣющіе и не при-
чащающіеся — такъ называемые ученые вѣка сего —
вольнодумцы, считающіе себя за сверхъ-человѣковъ. Да
и самъ Толстой есть гнилой плодъ западной вольнодумной
учености. Миръ во злѣ лежитъ и лаетъ на Бога своего.

* * *

Ученикъ реального училища — не вѣрующій вслѣд-
ствие зачитанности Толстымъ. Учитель земской школы —
не вѣрующій по причинѣ увлеченія Толстымъ, но жела-
ющей быть вѣрующимъ. Ядъ ученія Толстого въ семействахъ:
матери и отцы плачутся на своихъ дѣтей, не
вѣрующихъ, бросившихъ церковь и не покоряющихся и
не почитающихъ родителей; дѣвушки-курсистки, не вѣ-
рующія и вошіющая за Толстого; сотрудники либераль-
ныхъ газетъ, вродѣ Астраханской, ополчающіеся за
Толстого и ругающіе насть.

Утаиль еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ (Тол-
стого и подобныхъ ему писателей) и открылъ еси то
младенцамъ. Яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою
(Ме. 11, 25). Горе, иже мудры въ себѣ самихъ и предъ
собою разумны. Не обратиль ли Богъ премудрость міра
сего въ безуміе (1 Кор. 1, 20). Ибо когда миръ не ура-
зумѣль своею мудростю Бога въ премудрости Божіей,
благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣру-
ющихъ (1 Кор. 1, 21).

* * *

Толстой не могъ познать въ своей суетной мудрости
Бога въ премудрости Его, но совѣтъ оглушилъ, при
омраченности возмнилъ себя мудрымъ, и возгордился
паче всякаго глаголемаго Бога или чтилища, яко же
сѣсти ему въ церкви Божіей, яко Богу, показуя себя,
яко Богъ есть (2 Фесс. 2, 4), ибо, отвергнувъ Еванге-
ліе, понуждаетъ всѣхъ вѣрить себѣ, какъ Богу. Пой-
мите же его вы, интеллигенты: вѣдь онъ, прежде всего,
васъ дурачить, надъ вами смеется.

* * *

„Видалъ ли ты человѣка мудраго въ глазахъ его?
На глупаго больше надежды, нежели на него“ (Прит.
Солом. 26, 12). Левъ Толстой, всю жизнь занимаясь
исключительно свѣтской литературой, а духовной —
только критически и скептически, съ предвзятыми не
въ пользу и не въ покореніе слову Божію пріемами, а

въ пререканіе и хуленіе его, не зная настояще богослуженія церковнаго,—впалъ въ религіозное одичаніе, тупость и несмысле относительно всего духовнаго, по внушенію діавола, палъ невѣріемъ, глумленіемъ надъ всѣмъ богослуженіемъ, таинствами, обрядами, священными одеждами (отъ Бога установленными въ Ветхомъ Завѣтѣ).

Такъ и всѣ послѣдующіе ему въnevѣріи въ истиннаго Бога и въ Свѣтъ Христовъ, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ,—интеллигенты и писатели свѣтскіе впали въ дикость и несмысле духовное; ибо Богъ утаиваетъ Свою премудрость отъ премудрыхъ и разумныхъ міра сего, какъ недостойныхъ, и открываетъ ее простымъ вѣрующимъ душамъ.

* * *

Господи, къ кому идемъ? Глаголы живота вѣчнаго имаши.—Нѣтъ иного имени подъ небесами, даннаго въ человѣцѣхъ, о Немъ же подобаетъ спастись намъ... (Дѣян. 4, 12). Сей есть всѣхъ Господь. Единственный источникъ жизни — Господь и Церковь Его.

Къ кому намъ ити, спрашиваютъ современные интеллигенты? Къ Толстому, къ Толстому пойдемъ, и идуть къ нынѣшнему идолу-Толстому и у него, а не у Христа, изъ его богохульствъ, хитросплетеній учаться жизни, хуленіямъ на Св. Церковь и Ея Спасительныя Таинства.—Въ этомъ я убѣдился самъ.

Если кто соблазнить единаго изъ малыхъ сихъ, то, по слову Божественнаго Учителя, лучше было бы для него, если бы навѣсили ему жерновъ на шею и бросили его въ глубину морскую (Ме. 18, 6). Левъ Толстой соблазнилъ и продолжаетъ соблазнять десятки тысячъ людей, печатая и разсылая во множествѣ свои богохульныя писанія, съ цѣлью соблазнить особенно учащуюся молодежь, преимущественно средняго и высшаго образования, и ими отравлено множество юношей и девиць! Чего же по правосудію Божію заслуживаетъ нашъ русскій еретикъ, сколькихъ казней? А чего заслуживаютъ и попускающіе ему распространять свои гибельныя брошюры и дающіе ему полную волю говорить, что захочетъ? Многіе погибнутъ чрезъ Толстого, участвовавшіе въ попустительствѣ ему.

* * *

У тебя, Левъ Толстой, ясновидецъ много для твоего гибельнаго ученія. Во-первыхъ, самъ князь тьмы, иже есть діаволъ и сатана, обольщающій всю вселен-

ную. Толстой не върить въ злыхъ духовъ, коихъ онъ называетъ чертами; а они-то его и научили и учать съ юности и доселъ всякому грѣху, всякой лжи и неправдѣ; они-то его и научили отвергать Откровеніе, Бога въ Троицѣ, Христа и Спасителя, Церковь, Богородицу, Святыхъ и итти наперекоръ всякой истинѣ; они-то и производять весь сумбуръ въ его головѣ; они-то и научаютъ людей всякому грѣху; отъ ихъ-то лжи и пришель спасти людей вѣрующихъ Христость, отъ ада, уготованного имъ и ихъ слугамъ; они-то и встрѣтятъ Толстого по смерти, которая ждетъ его съ нетерпѣніемъ и они-то съ жадностью готовы схватить, съ скрежетомъ зубовнымъ и хохотомъ страшнымъ Толстого и подобныхъ ему. Слышите, всѣ христіане!

Во-вторыхъ, пособники твои, Левъ Толстой, всѣ тебѣ подобные, въ родѣ Черткова и множества русскихъ перечекъ, подобныхъ тебѣ и совращенныхъ твоимъ безсмысленнымъ ученіемъ. Въ-третьихъ, пособляетъ тебѣ твоя старая нечистая ветошь, унаследованная тобою отъ твоего отца,—я разумѣю тѣ дрожжи лукавья, на коихъ ты зачался и образовался въ типѣ человѣка—то уродливое нравственное неразвитіе и та среда, въ которой ты выросъ: полная невоспитанность нравственная, въ которой ты выросъ, то безвѣrie и та безщерковность, въ которой ты живъ и своевольничалъ. Невозможно наследовать царствіе Божіе людямъ, неустановившимъ себя для него вѣрою, покаяніемъ и исправленіемъ, добродѣтелью. Вспомни притчу о званыхъ на вечерю.—„Ни единъ мужай тѣхъ званыхъ вкусить моей вечери: (Лук. 14, 24) ибо много званыхъ, а мало избранныхъ“ (Мѣ. 22, 1—14).

Левъ Толстой играеть въ сурдинку и идетъ противъ здраваго смысла человѣческаго, противъ всякаго логического закона, лишь бы только излить свою желчь на Христа, на вѣру Христову, на церковь. Какъ онъ низокъ, нелѣпъ въ своихъ разсужденіяхъ! Ниже этого упасть нельзя, безсмысленнѣе Толстого нѣтъ, кажется, никого. Прочтите безпристрастно его послѣднюю брошюру и убѣдитесь. До чего дошелъ авторъ „Войны и мира“! Вошедши въ незнакомый ему, чужой огородъ, онъ сломилъ себѣ шею съ головой. Затѣмъ дошелъ до сумасшествія, до абсурда! „Отвергающій Меня и не принимающій словъ Моихъ имѣть судъ себѣ: слово,

которое Я говорилъ, оно будетъ судить его въ послѣдній день” (Иоан. 12, 48).

* * *

Хула на Духа не простится человѣкамъ. Если кто скажетъ слово на Сына Человѣческаго, простится ему; если же кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Или признайте дерево хорошимъ и плодъ его хорошимъ; или признайте дерево худымъ и плодъ его худымъ; ибо дерево познается по плоду. Порожденія ехидны, какъ вы можете творить добро, будучи злы. Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста. Добрый человѣкъ изъ добра го сокровища выносить доброе; а злой человѣкъ изъ злого сокровища выносить злое. Говорю же вамъ, что за каждое праздное слово, какое скажутъ (или напечатаютъ, напишутъ) люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда (Мѳ. 12, 31—36). Толстой хулить христіанскую вѣру и церковь. Но какъ поднимается у человѣка языкъ—хулить то, что истинно, прекрасно, жизненно, спасительно? Дерево познается по плодамъ: какие же плоды принесла христіанская вѣра? Самые добрые плоды, о чёмъ свидѣтельствуетъ вся история церкви.

* * *

Свѣтскіе писатели только въ землю смотрять и выше земли не поднимаютъ сердечнаго ока своего; но человѣкъ сотворенъ преимущественно для небеснаго, а не для земного только, и его станъ и тѣлесныя очи обращены къ небу. Писатели мірскіе слишкомъ односторонни и не полны,—и, когда захотятъ говорить о предметахъ вѣры, то говорять болѣею частію только для того, чтобы глумиться надъ ними и тольковать ихъ по своему одностороннему, ошибочному разумѣнію, какъ графъ Толстой и подобные ему. Какъ возможенъ Толстой въ наше время? какъ возможенъ такой писатель? такой сумасбродъ? такой рецидивистъ? Какъ возможны такія похуленія на все святое, чѣмъ дорожитъ человѣкъ больше своей жизни?

* * *

Кто же этотъ Толстой, который диктаторски судить всѣхъ, и самъ себя ставить выше общаго суда, приписывая себѣ какъ бы божескую непогрѣшимость! Кто этотъ дерзко посягающій своимъ судомъ на здравый, правый, чистый смыслъ всего избраннаго, умудреннаго Богомъ и чистою, высокою жизнью человѣчества и смѣющійся надъ непреложными истинами, общедоказанными,

животворными, твердыми, какъ неподвижная скала и какъ столпъ, твердо водруженный! Это—человѣкъ, духовно ни мало не воспитанный, пролетарій мысли и нравственной расшатанности отъ самой юности, какъ и самъ онъ признается, человѣкъ совершенно несвѣдущій въ религіозныхъ истинахъ, нигилистъ до мозга костей, не вѣрующій ни въ кого и ни во что, кроме себя самого, какъ русскаго графа, прославленнаго писателя; онъ утверждаетъ, напр., что Россія не должна воевать ни съ кѣмъ и проливать чью-либо кровь, кроме того только случая, когда разбойники нападутъ на него, графа Толстого, или на Ясную Поляну,—тогда правительство должно защищать Поляну силою оружія и пролить солдатскую кровь, чтобы не пролилась графская кровь на Ясной Полянѣ, такъ какъ она всегда имѣла видъ и свойство ясной, а не мрачной поляны. Какъ вы думаете, въ здравомъ ли умѣ такъ разсуждающей графъ по фамиліи Толстой! Вы не браните меня за эту иронію; я вовсе не хочу иронизировать, но слова его сами собою вызываютъ на то; я говорю только правду. Не потерялъ ли только Толстой изъ виду законовъ здраваго мышленія! Повидимому, такъ, Левъ Николаевичъ! Вы шутите однако уже слишкомъ надъ здравымъ общечеловѣческимъ смысломъ. Помилуйте, вы своей львиною лапою бьете по лицу и папѣ, и кардиналовъ, пасторовъ, священниковъ, и всѣ они, по вашему, обманщики, негодяи, а вы—человѣкъ праведный, искренній, якобы правду говорящій всѣмъ духовнымъ особамъ, правителямъ, начальству. Ну, если вы умный, а не сумасшедшій, то вѣдь васъ судить надо строжайше за это ругательство надъ лицами, уважаемыми по сану (не ваше дѣло судить ихъ за дѣла, вы не призваны къ тому): вы публично смеетесь и думаете остаться безнаказаннымъ! Нѣтъ, этого быть не можетъ! Вы понесете строгое наказаніе—вы соблазняете не единаго только отъ малыхъ, а всѣ христіанскіе народы, привыкшіе по божественному праву смотрѣть съ уваженіемъ на эти лица. Вамъ, по писанію, нужно бы повѣсить камень на шею и опустить съ нимъ въ глубину морскую, вамъ не должно быть мѣста на землѣ.

* *

Подумайте, сытый и безпечальный, богатый русскій графъ хочетъ у всѣхъ русскихъ и даже французовъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, австрійцевъ и даже англичанъ вырвать вѣру въ Спасителя грѣшныхъ, имѣющаго гла-

голы живота вѣчнаго, во Врача всего немощнаго вѣрующаго человѣчества, въ незаходимое Солнце правды, въ Единственнаго Утѣшителя всѣхъ скорбящихъ вѣрующихихъ. — Русскій народъ и все интеллигентное множество, да и все христіанское человѣчество! узнайте по плодамъ преподнесеннымъ вамъ отъ Л. Толстого, каково его ученіе, каковъ этотъ учитель. — Сынъ геенны! Не смѣйтесь, графъ и всѣ толстовцы, надъ этимъ страшнымъ словомъ, — вы скоро насытитесь ею и погрузитесь въ нее на всю (если не покаетесь) вѣчность; графъ всѣхъ хочетъ вовлечь въ нее, какъ сатана, всѣхъ лишить Того, Кто одинъ можетъ избавить отъ нея, какъ сказано: убойтесь Того, Кто по убиеніи можетъ воврещи въ дѣбрь огненную, ей, глаголю вамъ, Того убойтесь (Мѳ. 10, 28). Итакъ, по плодамъ этого безбожника, этого ругателя всего христіанского человѣчества, вы узнаете, кто онъ. Это — антихристъ, это — звѣрь, вышедшій изъ бездны (Откр. 11, 7), съ десятю рогами (Откр. 13, 1), бодущій на всѣ четыре стороны, на всѣ стороны свѣта, чтобы если можно, хоть нѣкоторыхъ ввести въ нее съ собою на всю вѣчность. — Если бы хоть немного вкусили графъ плодовъ Христовой вѣры, онъ никогда бы не сталъ такъ издѣваться надъ нею и надъ нами, — но онъ, какъ видно, ни на часъ не былъ истиннымъ христіаниномъ и всегда былъ безбожникомъ. Невольно даюсь я диву, какъ въ Россіи могла появиться эта змѣя, полная яда смертельнаго, — подивись небо, подивитесь всѣ Ангелы Божіи и всѣ Святые человѣки, какъ могъ русскій графъ сдѣлаться сосудомъ сатаны и принять на себя всю полноту его, все его отступничество отъ Бога, всю вражду его на Бога и на вѣрующихихъ въ Бога.

* * *

Какъ древніе софисты — философы обратили даръ слова, долженствующаго выражать истину, — обратили въ игру словъ, называя бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ, или добродѣтель называя грѣхомъ, а грѣхъ добродѣтелью, такъ и Левъ Толстой потерялъ всякое уваженіе къ слову и къ истинѣ, и правдѣ, и свой писательскій талантъ обратилъ въ игру словами, мало того — на самое дерзкое, сатанинское богохульство: да еще и самого сатану превзошелъ: ибо сатана вѣрить въ Бога и трепещетъ Его (Іак. 2, 19), — и бѣсы вѣровали въ Іисуса Христа и признавали Его громко Сы-

номъ Божіимъ (Лук. 4, 34), а Толстой не вѣритъ въ Сына Божія и смеется надъ Евангельскою истину. Церковь непрестанно благословляетъ Господа, Творца, Промыслителя и Спасителя и Праведнаго Судію день и ночь, а Левъ Толстой осмѣливается въ своихъ писаніяхъ хулить Его, называя Его жестокимъ и виновникомъ—ужасно сказать—безчеловѣчныхъ казней въ людяхъ.—Слышите, народъ православный. Это подлинныя слова Толстого, я заимствовалъ ихъ изъ его печатныхъ листовъ, издаваемыхъ въ Англіи Чертковымъ, русскимъ ренегатомъ, отщепенцемъ.—Скажите, не осатанѣль ли Л. Толстой? Книги В. и Н. Завѣта онъ считаетъ ниже всякихъ сказокъ, называетъ ихъ безнравственными сказками и безумнымъ, безнравственнымъ дѣломъ преподаваніе ихъ дѣтямъ, а себя называетъ великимъ истиннымъ учителемъ. Каковъ же учитель безбожникъ, атеистъ и антихристъ!

Какъ больно сердцу, когда въ вашихъ глазахъ поносятъ святыню, которою живешь и дышишь, утѣшаешься въ самой юности, — поносятъ то, что составляетъ святыню для христіанскаго человѣчества всѣхъ вѣковъ, за которую страдали съ радостю безчисленные сонмы мучениковъ, святителей, преподобныхъ и всѣхъ святыхъ, вообще лучшіе и благороднѣйшіе изъ людей, что составляетъ непреложную истину, которою просвѣщаются, питаются и укрѣпляются умъ и сердце и все существо человѣка искренно вѣрующаго? и Левъ Толстой, какъ свинья (извините за слово), полираетъ все это своими ногами, на глазахъ всѣхъ христіанъ.—Языческие писатели Цельсь и Порфирий не ругались такъ надъ христіанской вѣрою, какъ ругается Левъ Толстой.

Ясно-полянскій графъ находится въ великой прелести самообольщенія, думая серьезно, что онъ правъ. О, какъ сатана ослѣпилъ его за гордость и надменность! И сколько людей чрезъ него впали въ обольщеніе!

* * *

Какъ стремительно развиваются и требуютъ себѣ удовлетворенія животные инстинкты у безбожниковъ и безцерковниковъ-толстовцевъ и какъ въ нихъ бого-противно дѣйствуетъ ветхій человѣкъ, совлечься котораго церковь учить каждого христіанина; между тѣмъ они-то (безбожники) ему и послѣдуютъ и исполняютъ его похоти! — Обрати ихъ и вразуми ихъ, Господи, и

вложи въ нихъ свѣтъ Твой, если они способны его принять, пока тьма адская совѣтъ не покрыла ихъ.

* *

Какъ вѣтки живого дерева (Всел. Симв. Вѣры), Толстой посѣкъ своимъ дерзкимъ перомъ всѣ члены христіанскаго Символа Вѣры, и хочетъ неистово, бѣшено хотеть лишить человѣчество и особенно христіанскій міръ спасительной вѣры, доставляющей вся кому искренно вѣрующему величайшее утѣшеніе и опору во всѣхъ трудностяхъ и скорбяхъ жизни. Прелазяй инудѣ (незаконнымъ путемъ), той татъ есть и разбойникъ (Іоан. 10, 1). Толстой вторгается во дворъ овчій церкви православной подпольнымъ путемъ, печатая свои богохульные писанія за границей, въ Англіи, и распространяя ихъ въ Россіи десятками тысячъ. Это настоящій татъ и разбойникъ. По плодамъ его всякой вѣрующій можетъ узнать, что онъ именно таковъ. Не собираютъ смоквъ съ терновника и не снимаютъ винограда съ кустарника (Лук., 6, 44).

* *

Толстой находится въ умственномъ непроглядномъ туманѣ, или во тьмѣ и сѣни смертнѣй — и это среди солнечнаго Евангельскаго дня — и хочетъ на всѣхъ навести этотъ туманъ, эту тѣнь смертную.

Онъ не признаетъ откровеній, не вѣритъ въ бого-духновенность Св. Писанія и считаетъ его за сказку, церковную исторію — тоже: — все ученіе Богооткровенное считаетъ за ложь, а себя однаго, свой разумъ, свое слово — одно свое слово за истину (свои рыканія, свои сочиненія). Не вѣритъ онъ, что А есть А, и учить, что всѣ исповѣдующіе христіанскую вѣру — заблудившиеся, обманутые, или самообманувшиеся, что они жертвы гипноза, что имъ надо пробудиться, чтобы познать толстовскія бредни, а по его понятію, истину, — чтобы почесть за источникъ совершенства человѣческій мимо-философскій разумъ и романическія бредни ученыхъ нехристей.

* *

И бѣсы вѣруютъ въ Бога и трепещутъ (Іак. 2, 19), а Толстой не вѣруетъ въ Бога, а только въ таинственное, безличное начало; и въ своихъ умствованіяхъ доходитъ до абсурда. Какое намѣреніе его въ своихъ макулатурахъ, дышащихъ крайней ненавистью противъ церкви? — Потрясти церковь въ основаніи, разрушивъ

въру христіанъ въ Біблію и Евангеліе, въ Богослуженіе и Таинства, и въ благодать священства.

* * *

Толстой хулить всячески въру христіанскую и служителей ея, не зная и не желая знать ея праведной и нелицепріятной исторіи; поноситъ ее, какъ будто она сочинена недавно какимъ-нибудь обыкновеннымъ человѣкомъ, ради своихъ корыстныхъ цѣлей. Чтобы знать какое-либо и обыкновенное мірское учрежденіе, надо знать его дѣйствительную исторію, происхожденіе и тогда судить объ немъ правильно; между тѣмъ Толстой не хочетъ знать исторіи вѣры и Церкви Христовой или не довѣряетъ ей и грѣшитъ противъ законовъ ума и справедливости и хочетъ видѣть въ вѣрѣ Христовой только ложь и обманъ и даже безсмысле и полное пропорочіе человѣческому разуму.

* * *

Теперь я ставлю такой вопросъ: чтобы правильно узнать психологическую и писательскую личность Толстого, не надобно ли обратиться къ прошедшему его жизни, къ прежнимъ его сочиненіямъ, въ коихъ видень умственный его складъ и его міросозерцаніе, изъ которыхъ выродились его послѣднія богохульныя сочиненія? Да, необходимо знать прежнюю жизнь Толстого, которую онъ самъ описалъ въ своемъ псевдонимѣ. И что же изъ нея мы видимъ?

Видимъ полную его непригодность и неспособность къ религіознымъ размышленіямъ и сочиненіямъ; полное его невѣжество въ Христовой вѣрѣ, въ ученіи вѣры, въ исторіи христіанскихъ святыхъ и спасительныхъ докторовъ, въ исторіи церкви, онъ только и способенъ былъ писать: „Войну и миръ“, „Анну Каренину“ и проч. подобные романы,—и не его дѣло было толковать Евангеліе и понимать его по своему мірскому воззрѣнію. Толстой, какъ человѣкъ душевный, а не духовный, не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому и почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, оттого, что о семъ надобно судить духовно (І Кор. 2, 14).

Толстой не вѣруетъ въ личного святого, праведнаго и праведно наказующаго грѣшниковъ Бога и потому ругается Ему,—когда читаетъ или слышитъ о праведномъ Его наказаніи грѣшниковъ и ветхозавѣтныя казни нечестивцамъ считаетъ за выраженіе Его жестокости и злобы. Да истлѣтъ языкъ рыкающаго на Самого Бога.

Кумиръ гнилой, ужели ты мечтаешь, что всѣ послушаешь твоихъ гнилыхъ, высокомѣрныхъ рѣчей?

Сядешь ли ты, выйдешь ли, войдешь ли, Я знаю все, знаю дерзость твою противъ Меня. За твою дерзость противъ Меня, и за то, что надменіе твое дошло до ушей Моихъ, Я вложу кольцо Мое въ ноздри и удила Мои въ ротъ твой, какъ коню (Исаія 37, 28). Біблія учитъ насъ чрезъ богодохновенныхъ своихъ писателей, особенно чрезъ пророковъ, что Богъ есть Творецъ, Промыслитель и праведный и долготерпѣливый Судья всѣхъ народовъ земли и всѣхъ царствъ человѣческихъ и наказываетъ одинъ народъ чрезъ другого. Толстой не признаетъ этого, онъ не признаетъ личнаго Бога, а — какое-то таинственное, безличное начало, безучастно относящееся ко всѣмъ и ко всему, и къ самому Толстому.

* *

Ясно-польскій еретикъ забылъ или выпустилъ изъ вида законъ причинъ и дѣйствій въ міровыхъ дѣяніяхъ и явленіяхъ и допустилъ хаосъ въ міровой исторіи: такъ онъ не признаетъ сотвореніе міра личнымъ, премудрымъ, безначальнымъ, всеблагимъ и всемогущимъ Творцемъ — завѣтъ Его съ разумной тварью, нарушеніе завѣта, опредѣленіе наказанія, проклятие, изгнаніе изъ рая, труды въ потѣ лица, оскудѣніе даровъ природы, обладаніе людьми діавола, лишеніе внутренняго царства Божія, омраченіе ума, слабость воли человѣка для добра, невѣдѣніе истиннаго Бога, стремленіе къ злу, служеніе твари вмѣсто Творца; — скорби, болѣзни, смерть временную и вѣчную, обѣтованіе Спасителя, подъ именемъ Сѣмени жены, пророчество о Немъ, прообразы Его — различные и многочисленные, исполненіе обѣтованія Божія, пришествіе Спасителя, искушеніе въ пустынѣ отъ діавола, Евангельскую проповѣдь о покаянії, крещеніе Иисуса ради насъ, ученіе Его и апостоловъ, чудеса различныхъ, основаніе Церкви на камнѣ, который есть Христосъ, преображеніе, страданія, крестъ и смерть Спасителя ради побѣды надъ смертію, воскресеніе Его, пребываніе на землѣ въ продолженіе сорока дней и явленія Воскресшаго ученикамъ и многимъ вѣрующимъ и вознесеніе Иисуса Христа на небо. Все это Толстой выпустилъ изъ виду, болѣе того — не признаетъ этого и въ самообольщеніи мечтаеть, что онъ сдѣлалъ удивительное открытие въ мірѣ — въ области мысли и вѣры, такое открытие, до котораго до

него не доходили, — и что онъ только, имѣя какъ бы колоссальный умъ, открылъ то, что его люди, пресмыкающіеся по землѣ, никогда будто бы не могли открыть. Колоссальное безуміе! Дикое сумасбродство! Толстой построилъ все свое фальшивое мышленіе на воздухѣ, безъ всяаго достаточнаго основанія, а все его мудрованіе—воздушные замки, тотчасъ исчезающіе при правильномъ освѣщеніи ума и Слова Божія.

* * *

Толстой не вѣритъ въ Слово Божіе, не вѣритъ въ Церковь, въ ея ученіе и таинства, въ ея богослуженіе всеспасающее, всеумиротворяющее, и вмѣстѣ со своими послѣдователями погибаетъ въ своемъ богоотступничествѣ, въ своей гордости, въ своемъ невѣріи, въ своей беззаконной, порочной жизни. Если толстой и толстовцы боятся вѣчнаго злополучія, по смерти ихъ ожидающаго, то они немедленно должны возвратиться на путь истины, истинной вѣры, отъ которой они отпали, и сердечно покаяться въ своемъ увлеченіи антихристовымъ ученіемъ. Многобѣдственно жить безъ руководства и питанія материнскаго заблудшимъ чадамъ, безъ свѣта истины, которымъ обладаетъ одна св. церковь и который она одна проливаетъ на всѣхъ, вѣрующихъ въ нее и преданныхъ ей искренно, смиренno, безъ гордой пытливости и дерзкаго вопросничества. Тайна Божія скрыта отъмянящихся быть премудрыми и разумными открыта простымъ, нелукавымъ, негордымъ умамъ и сердцамъ.

Особенно омерзительной бранью возстаетъ Л. Толстой въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ на великое таинство Тѣла и Крови Христовыхъ, — не вѣдаетъ бо, что творить (Лук. 22, 34)...

Такъ какъ грѣхъ и тлѣніе вошли въ человѣческую природу чрезъ непослушаніе, чрезъ вкушение отъ запрещеннаго плода, по каковой причинѣ она подверглась смерти и рабству дьявола, то и правда, нетлѣніе и жизнь должны были вновь осуществиться въ людяхъ вѣрующихъ и послушныхъ Слову Божію чрезъ вкушение плода жизни, т. е. пречистаго Тѣла и Крови Христа Жизнодавца (Іоан. 6, 54), Бога и Человѣка, исполнившаго за нась всю правду закона, принесшаго Себя въ искупительную крестную жертву и искупившаго насть отъ грѣха, проклятія и смерти. Ядъ змінь, ядъ грѣха и смерти, вошедшій во все существо человѣческое чрезъ чрево, долженствовалъ быть изгнаннымъ изъ него

чрезъ сильное противоядіе, которое и есть причащеніе съ вѣрою и покаяніемъ пречистаго Тѣла и Крови Христовой, и это великое таинство есть не только противоядіе, но и сообщеніе человѣку правды и святости и жизни Христовой, жизни Божественной, или обоженія. „Ядый Мою плоть и піай Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ“. „Ядый Мою плоть и піай Мою Кровь имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день“, говоритъ Господь (Іоан. 6, 54). Вотъ наша христіанская, божественная філософія и наше христіанское, спасительное богословіе. Вотъ нашъ отвѣтъ безбожнику, утратившему вѣру и здравый смыслъ, Льву Толстому, хулящему наши Божественные тайны.

„Истинно говорю вамъ: кто не приметъ Царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него“, сказалъ Христосъ (Мр. 10, 15). Слышишь, Левъ Толстой, змій лукавый! Какъ ты излукавился! Возгордился ты, какъ сатана, понося Св. Евангеліе, Св. Троицу, Христа Божія, Богоматерь, Святыхъ, Таинства всеспасительныя.

Разбирая послѣднее сочиненіе Л. Толстого „Обращеніе къ духовенству“, нужно имѣть въ виду тѣ причины, по которымъ онъ такъ нагло обращается къ духовенству всего христіанскаго міра и такъ дерзко укоряетъ церковь въ мній лжи и неправдѣ ея. Толстой, недавно формальнымъ, обнародованымъ повсюду актомъ Синода отлученный отъ церкви, не могъ простить ей этого акта отлученія, и вотъ онъ бросаетъ поношенія и самыя наглые клеветы христіанскимъ церквамъ и представителямъ церквей всего міра, понося въ неправотѣ ученія всю церковь, а ея духовенство — въ завѣдомой будто бы лжи и нерадѣніи о благѣ народа христіанскихъ и болѣе всего смеется надъ православною церковью, которая законно отлучила, отсѣкла его отъ своего тѣла, какъ гнилой членъ, падшій къ смерти. Вмѣсто того, чтобы смириться и покаяться въ своемъ отступничествѣ, Толстой еще болѣе возгордился, возгордился истинно сатанинской гордостю и хохотомъ сатанинскимъ насмѣялся надъ церковью, которая „есть столпъ и утвержденіе истины“ (І Тим. 3, 15).

Отъ словъ своихъ оправдаешься и отъ словъ своихъ осудишься. Противъ себя писалъ и пишетъ Толстой и многіе писатели; слова ихъ и осудять ихъ въ день суда (Матѳ. 12, 30—37. Іоан. 8, 24).

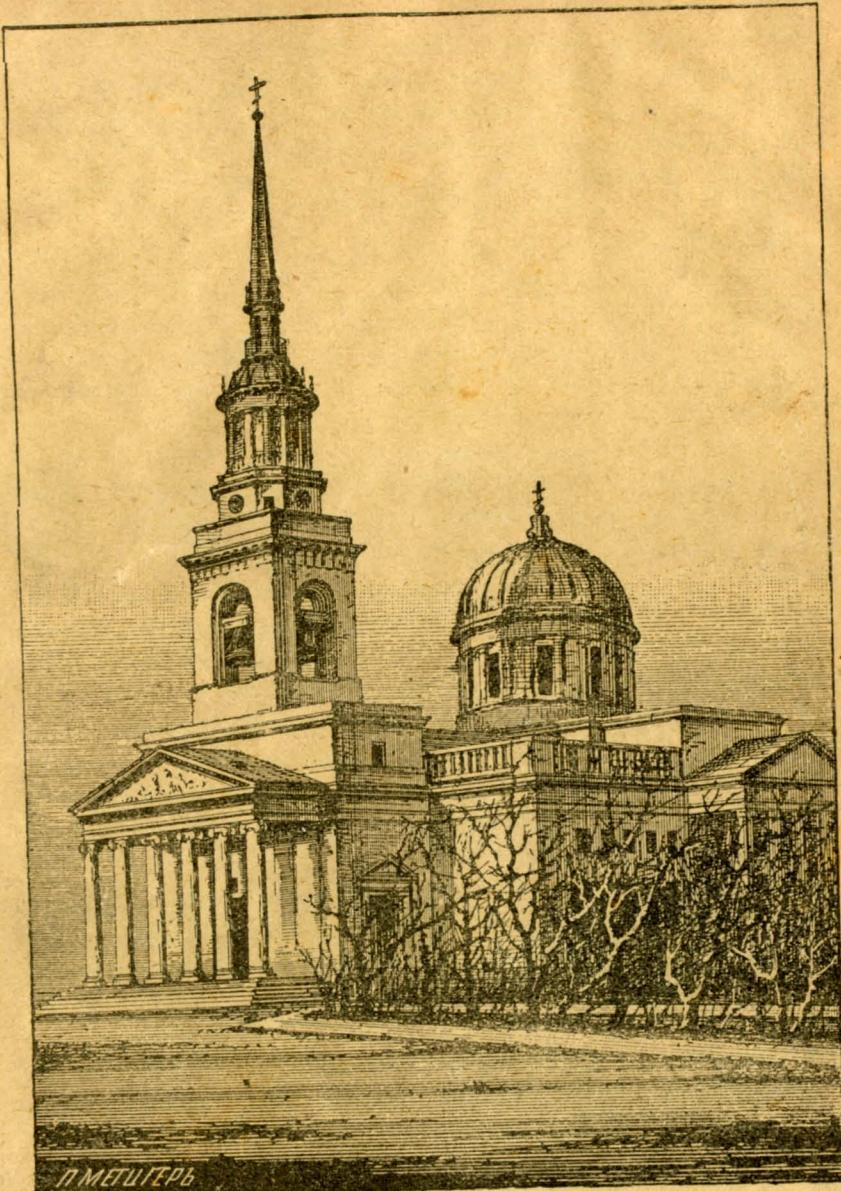
Толстой и толстовцы! Своимъ безумнымъ против-

ние людей нынѣшняго времени, безвѣрныхъ, легко-
мысленныхъ, преданныхъ суетѣ и всякой страсти въ обли-
ченіе ихъ невѣрія, безсмыслия, религіознаго безбожія. Пи-
саніе говоритъ, что въ послѣднее время, антихристово,
Богъ „пошлетъ людямъ дѣйство лести, чтобы они вѣро-
вали лжи“ (2 Фесс. 2, 11). И вотъ Толстому вѣрятъ...

* * *

Преходитъ образъ міра сего, т. е. всего стихійнаго, материальнаго, всѣхъ земныхъ порядковъ и беспоряд-
ковъ; прейдутъ всѣ царства, всѣ языки, всѣ секты,
расколы, суевѣрія, заблужденія человѣческія; войны за-
преобладаніе расъ, народовъ; не будетъ отдельныхъ
территорій для Россіи, Германіи, Англии и для разныхъ
племенъ и народовъ, прекратятся распри, ссоры, воз-
мущенія—всѣ страсти, обладающія нынѣ людьми; пре-
кратится письменность и печать и безконечное языко-
боліе и говорливость говоруновъ, настанетъ конецъ
всѣмъ дѣламъ рукъ человѣческихъ; будетъ одно царство
Божіе, одинъ народъ Божій, одинъ языкъ, непохожій
ни на одинъ изъ нынѣшнихъ земныхъ, имѣвшихъ только
временное преходящее значеніе послѣ столпотворенія
Бавилонскаго; будетъ одинъ Царь и Отецъ будущаго
вѣка—Христосъ, надъ которымъ нынѣ глумятся без-
божники съ графомъ Толстымъ во главѣ. Будетъ одинъ
Богъ все во всѣхъ; — одинъ Онъ соединитъ всѣхъ
въ одно царство, въ одинъ домъ, образомъ котораго
нынѣ служить Церковь Христова православная со сво-
имъ единственнымъ, непогрѣшимымъ, святѣйшимъ, вѣч-
нымъ и всемогущимъ Главою. Это будетъ вѣчное цар-
ство правды и мира и радости во св. Духѣ.

Прейдутъ всѣ царства съ своими земными, временен-
ными постановленіями и законами, съ своими учрежде-
ніями, сословіями, чинами, должностями; лишены будутъ
богачи земные всѣхъ богатствъ земныхъ (Апок.), и всѣ
земные достоинства получать свой конецъ; потребу-
ются дѣла и каждый будетъ судимъ по дѣламъ своимъ,
какъ человѣкъ, какъ тварь, по образу Божію создан-
ная и получившая въ удѣль разумъ, совѣсть, законъ
внутренній и внѣшній, какъ гражданинъ, какъ чадо
родителей своихъ и Отца Небеснаго. И вотъ это время
и этотъ судъ явить во всей наготѣ толстовское и вся-
кое зло. Ужаснитесь, Толстой и толстовцы, этого вре-
мени и этого суда, суда страшнаго и послѣдняго!
„Аще не покаетесь... вси погибнете“ (Лук. 13, 3).

ПМЕТИГЕРЬ

Андреевский соборъ въ г. Кронштадтѣ.

Цѣна 10 коп.

Чод

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 7-го марта 1908 года. Цензоръ Архим. Александръ.

Спб. Отечественная типографія. Подольская, 34.